„Въ чемъ бы ни полагали люди свое назначеніе и благо, продолжаетъ графъ Толстой,—наука будетъ ученіемъ объ этомъ назначеніи и благѣ, а искусство выраженіемъ этого ученія“. Такого рода опредѣленіе само себя опровергаетъ; математику пришлось бы тогда признать не наукой, потому что она не говоритъ о назначеніи и благѣ людей, а ученіе любого моралиста-философа—наукой, потому что оно имѣетъ въ виду именно эти предметы. Смѣшеніе науки съ философіей одинаково нежелательно и невыгодно для обѣихъ, такъ какъ и цѣль и методъ ихъ совершенно различны, хотя онѣ и должны находиться во взаимодѣйствіи и освѣщать другъ друга. Невозможно было бы ожидать серьезнаго развитія положительныхъ знаній, еслибы пріобрѣтенію ихъ постоянно предшествовалъ вопросъ „для чего они нужны?“. Знаніе можетъ явиться силой только тогда, когда оно вполнѣ усвоено; думать же о приложимости знанія, прежде чѣмъ оно вполнѣ усвоено, противно логическому ходу науки.

Между тѣмъ, именно такое требованіе приложимости или пользы предъявляетъ графъ Толстой ко всѣмъ положительнымъ наукамъ.

„Прежде чѣмъ человѣкъ познаетъ что̀ бы то ни было“, говоритъ онъ, „онъ долженъ рѣшить, что этотъ предметъ познанія важенъ для него, и важнѣе и нужнѣе, чѣмъ тѣ другіе безчисленные предметы познанія, которыми онъ окруженъ“.